

УДК 378. 016: 81'246.2
ББК 81.001.91
Г 13

Л.В. Газаева

Кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания русского языка, проректор по научной работе Северо-Осетинского государственного педагогического института; sogpi@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РУССКОГО И ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКОВ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

(РЕЦЕНЗИРОВАНА)

Аннотация. В статье рассматривается сопоставительная характеристика основных языковых механизмов русского и осетинского языков, данные которой должны быть положены в основу разработки методики обучения студентов-осетин с целью формирования коммуникативных компетенций.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, коммуникативная компетенция, языковая компетенция, типологические свойства языка.

L.V. Gazaeva

Candidate of Pedagogy, Professor of Department of the Theory and Technique of Teaching Russian, Vice-Rector for Scientific Work of the North Ossetian State Pedagogical Institute; E-mail: sogpi@mail.ru

THE BASIC LANGUAGE MECHANISMS OF RUSSIAN AND OSSETIN LANGUAGES IN FORMATION OF THE COMMUNICATIVE COMPETENCE

Abstract. The paper provides the comparative characteristic of the basic language mechanisms of the Russian and Ossetin languages. Its data should be taken as a principle in working out a technique of Ossetin students training for the purpose of formation of communicative competences.

Keywords: cross-language interference, the communicative competence, the language competence, typological properties of language.

Система родного языка порождает для билингвов широкое поле межъязыковой интерференции, проявляющееся на всех уровнях языковой системы, что создает дополнительные трудности для формирования коммуникативных компетенций. Учет этих трудностей позволит сформировать у обучаемых коммуникативные умения и навыки.

При порождении высказывания человеку необходимо располагать множеством собственно языковых и общекультурных знаний, которые в психолингвистике получили название компетенций.

Литературные языковые компетенции формируются на протяжении очень значительного периода во время сознательного изучения родного языка в школе, а в случае продолжения учебы и в вузе. При этом, как показывает практика, усвоение компетенций даже в области родного языка вызывает многочисленные трудности. В билингвальной аудитории эти объективные трудности осложняются межъязыковой интерференцией, обусловленной различиями в языковых системах родного и второго языка. В нашем конкретном случае речь идет об осетинском и русском языках. Поэтому в целях выявления каналов интерференции со стороны родного языка необходимо провести сопоставительный анализ языковых систем русского и осетинского языков. При этом мы не ставим целью сопоставление всех механизмов сравниваемых языковых систем, а ограничимся лишь наиболее важными: лексическим, фонетико-фонологическим, морфологическим и синтаксическим, поскольку именно на этих уровнях языковой

системы межъязыковая интерференция проявляется особенно ярко. Кроме того, в целях разработки эффективной методики выработки у билингвов языковых компетенций следует особое внимание уделить наиболее контрастным несовпадениям в языковых системах сопоставляемых языков.

Несмотря на то, что русский и осетинский языки входят в индоевропейскую языковую семью, являясь языками номинативного строя предложения, и в обоих языках основным средством связи в словосочетании и предложении является флексия, в их языковых механизмах имеются существенные различия, которые и приводят к интерференции.

Так, на фонетическом уровне главными психолингвистическими причинами интерференции являются отсутствие определенных звуков русского языка в родной речи осетин-билингвов; отсутствие в их родном языке дифференциального признака твердости-мягкости согласных и его наличие в русском языке; наличие в родном языке студентов придыхательных и абруптивных согласных и их отсутствие в изучаемом языке; редукция гласных в русском языке и их полное произношение в осетинском; несовпадение структурных значений близких в артикуляционно-акустическом отношении фонем обоих языков; отсутствие оглушения звонких согласных в конце слова в родном языке осетин-билингвов. Отсутствие в родном языке обучаемых корреляции согласных по твердости/мягкости приводит к тому, что в своей речи на русском языке они смешивают твердые и мягкие согласные. Причем наиболее часто осетины-билингвы не различают согласные [л] и [л'], произнося, с одной стороны: *бу[л ']ка, фи[л ']фак*, а с другой - *ру[л], педа[л]* и т.п. Немалую сложность для студентов представляет усвоение русских звуков [и] и [ы], в результате чего они часто их смешивают: *пыль-тиль, закрывать - закривать* и т.п.

На фонетическом уровне дифференциальный признак твердости/мягкости представляется наиболее трудным для усвоения, при этом самые большие сложности вызывает усвоение фонемы, отсутствующей в родном языке билингвов. Именно по этой причине они произносят русские слова с [j], опуская его, поскольку у них отсутствует соответствующий фонематический слух, что и приводит к ошибкам типа: *сви[н'а], ко[н'а]к, бе[л'о], по[л'у]* (*полью*), *се[м'а]* (*семья*) и т.п. Наиболее близким русскому звуку [j] в осетинском языке является [й], отличающийся от него не только артикуляционно, но и своим структурным значением. Парадигматические явления недодифференциации, а также сверхдифференциации фонем в сопоставляемых языках могут приводить в речи билингвов к различным явлениям субституции и реинтерпретации.

Нарушение в русской речи осетин-билингвов норм ударения вызвано не только их объективной сложностью, но и явлениями интерференционного характера: в русском языке ударение разноместное и подвижное. В осетинском языке ударение подвижное и ограниченное. Если в русском языке ударение может падать на любой слог в слове, то в осетинском языке оно падает либо на первый, либо на второй слог от начала слова.

Гагкаев К.Е. характеризует ударение в осетинском языке следующим образом: ударение в слове не падает дальше второго слога от начала, оно может падать только на первый и второй слог, причем преимущественная тенденция ударения направлена на второй слог. Например: *зымэг-зима, хæдзár-дом, ráуай-иди*. Гласные фонемы осетинского языка делятся на слабые *æ* и *ы* и сильные *а, и, у, е, о*.

Определенные различия и сходства существуют и в структурах слогов сопоставляемых языков. При стечении нескольких согласных в слоге и в русском, и в осетинском языке широко распространены случаи выпадения одного из них. В осетинском языке, в отличие от русского, в начальных слогах недопустимо стечение групп согласных, в случае такого стечения используется вставочный гласный, что также приводит к интерференции.

На основе сопоставления лексики контактирующих языков и ее семантических признаков также были выявлены сходства и различия в области лексико-семантической системы. Результаты осуществленного анализа показали, что, несмотря на существующие различия в лексике, оба языка обладают множеством сходств. Эти сходства при выработке языковых компетенций на русском языке должны составить основу использования межъязыкового переноса. Имеющиеся же различия следует рассматривать как фактор межъязыковой интерференции, порождающей типичные ошибки в восприятии, понимании и употреблении лексики русского языка осетинами-билингвами.

Расхождения в лексике русского и осетинского языков наблюдаются в значениях или оттенках значений слов. Слова сопоставляемых языков могут различаться своей эпидигматикой, парадигматикой и синтагматикой. Одно и то же явление действительности зачастую по-разному расчленяется и по-разному выражается в сопоставляемых лексико-семантических системах. В процессе анализа особое внимание было уделено многозначным словам, так как именно они являются наиболее активной зоной лексико-семантической интерференции. Наблюдение показало, что лишь в редких случаях два многозначных слова русского и осетинского языков соответствуют друг другу по своей эпидигме. Так, например, в отличие от русского языка, в осетинском языке одним и тем же глаголом выражаются значения *цауын* «идти» и «ехать», одним и тем же глаголом обозначаются понятия *арæвæрын* «поставить» и «положить», *асæттын* «сломать» и «разбить» и др. Например: *хъуылаг цагъдын – масло сбивать, чъырагъ цагъдын – белить известью, дзæнгæраг цагъдын – звонить в колокольчик, фæндырагъ цагъдын – играть на гармошке, дзаума цагъдын – трусить вещи*. Подобное явление приводит к многочисленным ошибкам в речи билингов: *арæвæрын агуывзæ – положить стакан, асæттын авг, вазæ – сломать стекло, вазу, и т.п.*

Несмотря на то, что люди от природы наделены одинаковыми способностями к познанию, национальное восприятие и отражение окружающего мира ведет к различному кодированию действительности. «Мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, на котором говорят народы, представляющие собой единство с точки зрения культуры»[4, с. 51]. Осознанию указанных различий в ходе формирования языковых компетенций эффективно способствует своевременное подключение микротекстов с различными значениями многозначных слов с заданием перевести их с одного языка на другой или подобрать синонимы и антонимы.

Со значительными трудностями сталкиваются осетины-билингвы и при усвоении морфологии русского языка, что также обусловлено имеющимися расхождениями в морфологических системах русского и осетинского языков. Морфемная структура осетинского слова сходна с соответствующей структурой русского слова, в ней выделяются корень, приставка, суффикс, окончание. В осетинской морфологии, как и в русской, традиционно выделяются те же части речи. Отличие состоит лишь в том, что в осетинской морфологии выделяется послеслог, отсутствующий в русской. В морфологии обоих языков наибольшее количество слов составляют существительные, прилагательные, глаголы, наречия. В обоих языках выделяются знаменательные и служебные части речи. Части речи обоих языков обнаруживают значительные сходства в лексико-семантических разрядах, в особенностях словообразования и др.

Однако имеют место и значительные различия. Так, в русском языке шесть форм падежей, а в современном осетинском – восемь. В русском языке формы множественного числа имен существительных образуются при помощи окончаний, а в осетинском – не посредством окончаний, а при помощи постоянного суффикса множественности *-т-*, к которому прибавляются те же падежные окончания, что и в единственном числе существительных, основы которых оканчиваются на согласные

звуки. Только в именительном падеже после суффикса множественности прибавляется особое окончание *-æ* (*æмбæлттæ*, *дуртæ*), а в направительном падеже вместо окончания *-мæ* бывает *-æм* (*æмбæлттæм*).

Однако наиболее существенное морфологическое различие между русским и осетинским языками заключается в совершенном отсутствии в осетинском языке грамматической категории рода. Отсутствие идеи рода в осетинском языке приводит к тому, что осетины-билингвы в своей речи на русском языке не различают роды имен существительных, беспорядочно их смешивая. *Красивая девочка, красивое платье, красивый цветок – рæсугъд чызг, рæсугъд къаба, рæсугъд дидинæг*. Отсюда ошибки: *Шерсть у него красивый и т.п.* Что касается категории числа, то в осетинском языке формы [2, с. 144] множественного числа распространены значительно шире, чем в русском. Так, большинство осетинских абстрактных имен существительных, в отличие от существительных русских, имеют формы не только единственного, но и множественного числа. Ср.: *хорздзинад* (добро) — *хорздзинæдтæ*; *амонд* (счастье) — *амæндтæ* и др.

Примечательно, что заимствованные из русского языка слова, употребляемые в самом русском языке только в форме единственного числа, в осетинском языке образуют форму множественного числа. Например: *бюро - бюротæ, депо - депотæ* и др. [2, с. 127]. И наоборот, некоторые слова, употребляемые в русском языке только в форме множественного числа, будучи заимствованы в осетинский язык, могут употребляться не только в форме множественного, но и единственного числа. Например: *макъаронтæ — макъарон* (макарон), *суткæтæ — сутка* (сутки), *кусачкæтæ - кусачкæ* (кусачки) . Подобное явление приводит к широкому распространению в речи ошибок типа: «Я ехал до Москвы почти две сутки»; «Поддай мне кусачку» и т.п.

Существуют различия в сопоставляемых языках в выражении значений определенности и неопределенности. Так, если в русском языке указанное значение узнается лишь из контекста, то в осетинском языке неопределенность и определенность имен существительных выражается несколькими способами: при помощи ударения, морфологически и синтаксически [2, с. 138].

В осетиноведении нерешенным является вопрос о винительном падеже. Так, В.И. Абаев отрицает наличие винительного падежа в осетинском языке как падежа прямого объекта на том основании, что он по своим формальным признакам совпадает либо с именительным, либо с родительным падежом [2]. Наоборот, Н.К. Багаев не без оснований утверждает, что винительный падеж наличествует в осетинском языке, просто его формы в известных случаях омонимичны формам именительного и родительного падежа. Но как бы этот вопрос ни решался в фундаментальных исследованиях, он никак не отражается на явлениях интерференции, проявляющейся в том, что осетины-билингвы по образцу родного языка и в своей речи на русском языке на месте винительного падежа объекта используют форму, совпадающую с формой именительного падежа, в результате чего возникают ошибки типа: «Я пошел косить трава».

Что касается имен прилагательных, то они в осетинском языке в отличие от русского чрезвычайно слабо дифференцированы от имен существительных, поскольку не имеют особых морфологических показателей, отличающих от имен существительных. Кроме того, одни и те же формы могут использоваться в значении обеих категорий, а многие формы имен прилагательных в осетинском языке совпадают с формами наречий. Важным отличием осетинского имени прилагательного от русского является также то, что, находясь перед определяемым именем существительным в качестве его определения, имя прилагательное остается без изменения: изменяется все словосочетание, причем падежные окончания присоединяются к имени существительному, т.е. словосочетание оформляется единой групповой флексией.

Существенной интерферентной причиной являются также различия в склонении количественных числительных в обоих языках. Так, количественные числительные в осетинском языке в сочетании с именами существительными не изменяются, изменяется

только имя существительное. В результате осетины-билингвы зачастую и в своей речи на русском языке не склоняют в подобных сочетаниях числительные, которые по нормам современного русского литературного языка непременно должны склоняться.

В силу агглютинативного характера осетинского склонения грамматические значения у существительных и прилагательных совпадают. Осетинские прилагательные выступают всегда как независимые, несогласуемые имена, а в русском языке согласуется прилагательное с существительным в роде, падеже. *Стыр хæдзар* – большой дом, *стыр хæдзары* - *стыр хæдзарæн* – большому дому.

В осетинском языке нет 1, 2, 3 склонения, как в русском.

В области синтаксиса различия между двумя языковыми системами прежде всего проявляются в порядке слов, в некоторых особенностях согласования сказуемого с подлежащим, в употреблении деепричастного оборота и др.

Сопоставительное исследование порядка слов в русском и осетинском языках позволило установить, что оба языка в области словорасположения имеют некоторые универсалии: актуальное членение, противопоставленность нейтрального (прямого) и стилистически маркированного (обратного) порядка слов, осуществление при помощи порядка слов межфразовой связи. В обоих сопоставляемых синтаксических системах порядок слов строго не привязан к грамматической структуре предложения и выполняет в речи сходные функции. В словопорядке осетинского и русского языков довольно много общих универсальных, генетических и типологических свойств. Однако наряду с этими общими свойствами есть отличия, которые и являются причиной межъязыковой интерференции. Так, в осетинском языке порядок слов более строгий, чем в русском. Например, в осетинском языке несогласованное определение предпочитает препозицию, в то время как в русском языке оно стоит после определяемого слова, ср.: *фыды хæдзар* — отца дом; *лæттуйы худ* — мальчика шапка.

Наблюдаются и определенные различия в согласовании сказуемого с подлежащим. В осетинском языке при подлежащих, выраженных некоторыми собирательными существительными в единственном числе (*адæм* – народ), (*цот* – потомство) и т.п., сказуемое ставится во множественном числе, в русском же языке сказуемое в подобных случаях бывает в единственном числе, т.е. в осетинском языке согласование осуществляется по смыслу, а в русском - по форме. Вместе с тем имеются и такие собирательные существительные, при которых сказуемое, как и в русском языке, употребляется в единственном числе. Например, *дзуг* (табун), *бал* (отряд) и др.

Однако наиболее яркими различиями, способствующими проявлению межъязыковой интерференции, являются различия в области функционирования деепричастий и деепричастных оборотов в обоих языках.

Согласно действующему в современном русском языке правилу, «субъект действий, называемых деепричастием и той глагольной формой, которую оно определяет, совпадает» [3, с. 672]. Например, в предложении «Зима! Крестьянин, торжествуя, На дровнях обновляет путь» (А.С. Пушкин) действие, обозначенное глаголом-сказуемым, и действие, обозначенное деепричастием, совершаются одним и тем же грамматическим субъектом «крестьянин», следовательно, предложение построено в полном соответствии с действующим правилом.

В осетинском языке особенности употребления деепричастий и деепричастных оборотов сильно отличаются от их употребления в русском языке. При наличии в предложении двух субъектов деепричастие обозначает не действие субъекта главного действия, а второго субъекта. Например: *Фыййау фосы нууагъта хизгæ* «Пастух оставил скот пасущимся» [1, с. 357]. Деепричастие типа *цаугæ-цауын* может обозначать так же, как и русское деепричастие, добавочное действие лица или предмета, которому принадлежит главное действие, выраженное глаголом-сказуемым. Например: *Цæугæ-цауын мæ къæх дурыл скъуырдатон* (Идя, я споткнулся о камень). Вместе с тем в отличие от русского языка указанное деепричастие может обозначать действие, осуществляемое

собственным субъектом, не совпадающим с субъектом глагола сказуемого. Например: *Дзургæ-дзурын уæлдæф фæцæуы æддæмæ хæйттæй* (Во время произношения (букв, «говоря») воздух выходит наружу частями») [1, с. 357]. Наличие в осетинском языке подобных разносубъектных оборотов приводит к тому, что билингвы в своей речи на русском языке также употребляют конструкции с разносубъектными деепричастными оборотами типа: «Единожды солгавши, кто тебе поверит»; «Идя по мокрой тропинке, дождь еще не прекращался» и т.п.

Сопоставительный анализ русской и осетинской языковых систем показал, что система родного языка порождает для осетин-билингвов чрезвычайно широкое поле межъязыковой интерференции, проявляющееся практически на всех уровнях языковой системы, что создает дополнительные трудности при выработке у учащихся коммуникативной компетенции. Учет этих трудностей позволит разработать наиболее эффективную методику выработки у осетин-билингвов коммуникативных умений в процессе речевой деятельности на русском языке.

Как известно, понятие коммуникативной компетенции шире, чем понятие языковой компетенции, поскольку включает в себя еще такую составляющую, как прагматическая компетенция, под которой понимаются знания индивида, проявляющиеся в его умении использовать те или иные средства языка в зависимости от характера речевой ситуации. Прагматика речи включает в себя все окололингвистические параметры общения. Все признают, что любая речь ситуативна, что она находится в зависимости от самых различных условий. В первую очередь, в речи важен фактор адресата, то есть человека, которому предназначено высказывание. Естественно, что нельзя одинаково разговаривать с ребенком и взрослым, близким другом и случайным знакомым, членом семьи и начальником на работе. Учитывая характеристики слушающего, мы выбираем соответствующие языковые средства, по-иному строим высказывание и т.д.

Примечательно, что реализация прагматических компетенций в некоторых случаях в русском и осетинском языках осуществляется не идентичными языковыми средствами. В первую очередь это касается осетинского и русского вербального этикета, а именно Вы-общения и Ты-общения. В русском языке широко распространено Вы-общение в неофициальной речи. Поверхностное знакомство в одних случаях и неблизкие длительные отношения старых знакомых в других сказываются в употреблении вежливого «Вы». Кроме того, Вы-общение свидетельствует об уважении участников диалога. При этом паритетные отношения не отменяют возможности выбора Вы-общения или Ты-общения. Ты-общение свидетельствует о близости общающихся. Среди необразованных и малокультурных людей Ты-общение является единственно возможным.

В осетинском же языке обращение на «Вы» отсутствует, во всех ситуациях используется Ты-общение, что также приводит к интерференции в речи билингвов на русском языке.

Другой причиной интерференции на прагматическом уровне является то, что в осетинском языке разговорная речь намного слабее дифференцирована от литературной, чем в русском языке. В осетинском языке в сравнении с русским языком намного слабее развита стилистическая дифференциация, под влиянием чего билингвы слабо владеют научным и официально-деловым стилями, затрудняются выстроить высказывание в письменной форме.

Итак, если исходить из того, что языковая компетенция представляет собой самый первый уровень коммуникативной компетенции и свидетельствует об умении говорящего выражать свои мысли на данном языке, а коммуникативные компетенции предполагают обладание особым комплексом прагматических знаний и умений, обуславливающих выбор говорящим правильного стиля общения, нужного произносительного или грамматического варианта, соответствующего нормам данного языка, то при обучении осетин-билингвов русскому языку необходимо учитывать явление интерференции, способной возникнуть не только на уровне языковых, но и на уровне собственно

коммуникативных умений. С другой стороны, оба сравниваемых языка обладают огромным объемом сходств, которым мы с целью экономии места уделяем в своем анализе значительно меньшее внимание, чем различиям. Все генетические, типологические и универсальные сходства также должны быть учтены в процессе разработки методики обучения осетин-билингвов коммуникативным компетенциям на русском языке с целью ориентации обучаемых на транспозицию этих сходств.

Примечания:

1. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч.1. Орджоникидзе, 1965. С.144.
2. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч.2. Синтаксис. Орджоникидзе, 1982. 492с.
3. Русская грамматика. Т.1. М., 1980. С.672.
4. Шанский Н.М. Методика преподавания русского языка в национальной школе: достижения и проблемы // Русский язык в национальной средней и высшей национальной школе: сб. науч. тр. М., 1984. С.12-18.